

SWorld – 18-29 June 2013

<http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/june-2013>

MODERN PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION IN SCIENCE, TRANSPORT, PRODUCTION AND EDUCATION 2013

Доклад/ Философия и филология-Социальная философия

УДК 316.75-055.2 “19”

Марьясова Е.А.

**ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОЙ
ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПАТРИАРХАТА**

НИУ Белгородский Государственный Университет,

Россия, Белгород, Победы, 85, 308015

UDC 316.75-055.2 “19”

Mariasova E.A.

Effect of gender on the development of women in the age of the patriarchate

NRU Belgorod State University, Pobeda 85, Belgorod, 308015, Russia

В данной работе рассматривается положение российской женщины в традиционно-нормативном обществе. Анализируются основные факторы, оказывающие влияние на развитие женской личности в рассматриваемый период, выделяются причины, способствующие отказу женщины от традиционного поведения и отношение общества к таким маргинальным проявлениям поведения.

Ключевые слова: женщина, религия, традиция, общество.

In this paper we describe the situation of Russian women in the traditional normative society. We analyze the main factors that influence the development of female identity in the period under review, highlighted the reasons that contribute to the denial of women from traditional behavior and attitude of society to such marginal manifestations of behavior.

Key words: woman, religion, custom, society

Принято считать, что период традиционно-нормативных отношений характеризует женщину как предикат мужа, мужчины и, следовательно, место

женщины определялось исключительно домом, а её поведение определялось исключительно покорностью. Следуя Библии, переход от язычества к Христианству сделал женщину на Руси одной из самых достойных носительниц веры. Исследователь Феоктист игумен (Кириленко) характеризует принадлежность женщины к христианской вере следующим образом: «Если вы хотите, чтоб в характере женщины было смирение без унижения, уступчивость без пошлого угождения, неистощимая любовь, которая, особенно заботясь о благе душевном, старается доставить благо земное, – если вы захотите всего этого, – делайте её христианкой»[1].

Период X-XV веков трактуется учёными, изучающими положение древнерусских женщин по-разному. Существует некое разногласие во мнениях на общественное положение россиянки в обществе: от всецелой зависимости до экономического равноправия. Историки И. Беляев, С. Соловьёв, Б. Романов, опираясь на древнерусские документы, отмечали экономическую состоятельность женщин в эти века, тогда как Н. Костомаров, А. Амфитеатрова, Е. Забелин излагали свой взгляд на женщину как на постоянную невольницу и заложницу общественных и церковных традиций. XVI век, по мнению антропологов, внёс существенное изменение в жизнь россиянок – резко сузил права и власть.

Со вступлением России в период патриархата (система социальных структур и практик, в которых принято мужское доминирование, подавление и эксплуатация женщин)[2], россиянка «отошла» от общества и утратила былые права на земельное имущество, ограничив себя лишь домом и семьёй. По мнению историков как российских (С. Шашков, Е. Щепкина), так и западных (К. Клаус, С. МакНелли), россиянка перешла из статуса общественницы в статус затворницы, что было результатом влияния церковных правил и обычаев на жизнь женщины. «Домострой», свод законов, правил и советов по содержанию быта и семьи, определил главенство мужчины в семье, тем самым резко урезав права женщин. Место женщины

определялось исключительно домом, а поведение определялось исключительно покорностью. Наблюдался явный регресс в общественной жизни русской женщины. Россия в образе женщины вступила в новую фазу, которую можно определить как «век терема и домостроя». По мнению Забелина «женщина постепенно удалилась от общества, и являлась в нем уже только в силу некоторых жизненных обстоятельств, требовавших неминуемо ее присутствия или же дававших ей самостоятельное вотчинное значение»[3].

Женская покорность прослеживалась на всех жизненных этапах: от рождения до смерти. Рождение девочки в христианской семье означало рождение нежной, чувствительной, благочестивой помощницы, продолжательнице рода человеческого. На родителей ложилась огромная ответственность в воспитании истинной христианки, не потерявшей веру в Бога при любых обстоятельствах и испытаниях. Гнев отца всегда был справедлив и обоснован, материнское же сострадание к ребёнку как бы противопоставлялось его гневу её милосердием и всепрощением. Пушкарёва отмечает, что: «Почтение к матери объявлялось делом «богоугодным» («Пчела» XV в.), а пренебрежение и забвение памяти родителей («паки насмеялся отцу и укоряюще старость материю...») резко осуждалось: «...и возплачется тогда, и господь не услышит его...»[4].

Во время свадебного процесса отец невесты передавал мужу плеть как символ власти над дочерью и наказания за провинность. А. Толстой описывал это следующим образом: «...отстегнул от пояса плеть и ударил дочь по спине три раза – больно. – Ты, дочь моя, знала отцовскую плеть, передаю тебя мужу, ныне не я за послушанье – бить тебя будет муж сей плетью...»[5]. Став законной женой, женщина должна была в полной мере раскрыть свои способности по ведению дома и стать достойной женой своему мужу во всех его делах и желаниях. Христианский брак строился в первую очередь на духовности, и без благословения Неба вся красота, радость, ценность семейной жизни могла быть в любой момент разрушена. Но святость брака, определяемая апостольскими

посланиями, охватывала и интимные отношения мужа и жены как дополняющих друг друга, любящих друг друга личностей. Интимные отношения являлись венцом их духовной близости, поэтому в древней Церкви первую неделю новобрачные жили как брат и сестра. Это способствовало более глубокому осмыслению семейной жизни. Но, и как традиция на стене в каждом доме висела плеть, которой муж бил жену проявляя к ней, таким образом, свои чувства и слыл этот поступок нравственным. Проявление, таким образом, внимания к жене расценивалось как проявление интереса к её существованию. Бить жену плетью и нравственно, властно, и нравоучительно, а главное по-христиански. Н.И. Вавилов отмечает: «Что деревенская баба. Слякоть одна... все как кроты слепые – ничего не знают. И побои, как средств[о] учения ложатся в основу крестьянских отношений к жене. Да они и сами ничего не имеют против. «Нашу сестру нельзя не учить»[6].

Патриархальная модель российской семьи и общества определяла отношение к женщине с позиций «богатырского идеала», отводя ей подчиненную, второстепенную роль как в общественной, так в семейной жизни. Конечно, если сравнить женщину с богатырём, то она окажется существом слабым, беззащитным, но умственные качества приравнивались к физическим и женщина оказывалась с двух сторон несостоятельна. По мнению В. Иваницкого, с точки зрения гендерного подхода, как социальной принадлежности, в России «...женщинам на протяжении веков приходилось нести на своих плечах, как мужские работы, так и мужские роли, мужскую ответственность»[7]. Но церковь настаивала на абсолютном разделении прав и обязанностей. По словам Св. Иоанна Златоуста следует, что «Если бы Он создал мужа способным к тому и другому, то женский пол был бы в презрении; с другой стороны, если бы жене предоставили большее и полезнейшее, то жёны стали бы надмеваться великою гордостью»[8]. Так же, по словам В. Иваницкого, «Домострой» настаивал на совпадении секса и гендера. Разделение функций стало абсолютным, разделение прав сделалось пустым понятием вследствие того, что у одной из сторон не стало никаких прав»[9].

Это доказывает слова И. Юкиной, что русской женщине отводилось «место общего фона, молчаливого большинства, существование которого всем очевидно, но которое не имеет своего голоса и которое не вписано в историческое полотно»[10].

Таким образом, двойственная роль, подробно описанная и продиктованная церковью, делала женщину полностью зависимой от мужа. Созданная из ребра человека, то есть мужчины, она должна быть близка сердцу мужа, послушна и покорна ему, не боясь его. Ю. Максимов отмечает всем известную фразу, принадлежащую Ап. Павлу: «А жена да боится своего мужа»[11]. В данном случае глагол «бояться», как отмечает Максимов, необходимо трактовать как «благоговеть». Жена должна повиноваться мужу, как Господу, повиноваться безгранично, как Церковь – Христу. Таким образом жена-христианка являлась устроительницей Царства Божия в семье. Требованием к жене являлась верность. Супруги должны были доверять друг другу без опаски. Тень сомнения могла омрачить или даже разрушить брак. Несправедливость состояла в том, что при несчастливом браке, вина ложилась на женщину. Но часто сами мужья становились зачинщиками разводов, отчего женщине не становилось легче и им приходилось нести все горести на своих плечах. Амвросий Оптинский в своей книге «Советы старца» даёт следующее утешение покинутой жене: «Пишешь, что муж тебя отослал, ...почему решилась прибегнуть к Богу и просить его...? И что же – вот и проси, и проси несомненно и терпеливо, – получишь»[12]. Даже получив развод, женщина не могла по закону Божьему сочетаться законным браком, как бы навсегда оставшись при муже своём. Ап. Павел провозглашал: «Она не должна отдаляться от живого мужа, принимать другого супруга, или вступать в другой брак... Она связана законом»[13]. Вдовство определённо приносило женщине свободу, но по закону засматриваться на молодых вдов женатым мужчинам было запрещено. Однако сословие одиноких женщин имело место быть, и общество относилось к нему неоднозначно.

Маргинальность поведения определялась отходом от правил: брак по расчёту, мотовство, женское прелюбодеяние, неповиновение. Браки по расчёту со стороны женщин считались греховными, по причине того, что жена купила себе мужа. Женщина, вышедшая замуж по расчёту в христианском обществе присваивала себе роль «мегеры» и право менять поклонников как свои башмаки. Такие браки вели к антихристианскому началу, то есть к плотской любви, что вело к разврату. Вопрос развода не решался в пользу женщины, так как, разведясь, она по закону становилась прелюбодейкою. Прелюбодеяние считалось огромным грехом, и блудники помещались в один разряд с ворами и разбойниками. Замужняя женщина не только не могла завести знакомство, но даже лишний раз взглянуть на незнакомца, чтобы не разгневать в лице мужа Господа Бога. Женские измены нередко оборачивались поощряемыми общественным мнением жестокими расправами. Блюдя каноны нравственности, согрешившую девушку до замужества общество не только порицало, но и по закону могло придать смерти. История знает случаи, когда раскаявшихся женщин отдавали в монастырь, где жизнь напоминала тюремную. Преступниц держали в уединении и кандалах. Жестоко обходились с убийцами женщинами и, судя по изощрённости наказания, народ получал своеобразное наслаждение от жестокости по отношению к жертве. Пожалеть в душе – возможно, но никакого публичного протеста, никакой защиты женщины от тирана мужа, мужа-изменника ждать не приходилось.

Церковный закон принимал только жертвенное отношение со стороны женщины. Общество руководствовалось теми же правилами. Стать истинной христианкой – значило отказаться от свободы в пользу веры, которая давала взамен свою защиту. Утешение находилось в самом предназначении женщины на земле: рождение детей, служение Богу. История церкви знает много имён, которые своей жизнью и подвигом показали, что женщина-христианка способна претерпеть множество мук и лишений и умереть за свою веру: Ульяна Осоргина, Ксения Петербургская.

Таким образом, традиционно–нормативному периоду соответствовал тип истинной христианки, который подразумевал всецелое подчинение общественно-религиозным законам патриархального общества. Нарушение данных законов рассматривалось как преступление против общества и церкви и жестоко каралось.

Литература:

1. Феоктист игумен (Кириленко). Пастырское душепопечение о женщинах. – СПб.: Ладан, 2006. – С. 21.
2. Maltby, T. Women and Pensions in Britain and Hungary: A cross-national and comparative case study of social dependency. – Brookfield: Avebury, 1994. – P. 22.
3. Забелин, Е.И. Домашний быт русских цариц / Е.И. Забелин. – Москва: Типография Грачева и Комп., у Пречистенских в., д. Шиловой. 1869. – Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zabelin_i_e/text_0070.shtml.
4. Пушкарёва, Н.Л. Женщины древней руси. – М.: Мысль, 1989. – С. 93.
5. Толстой, А.Н. Петр Первый. – М.: Правда, 1968. – С. 119.
6. Вавилов, Н.И. Тематические записи в студенческом дневнике / Н.И. Вавилов // Человек. – М. - 2006. – №2. – С. 136.
7. Иваницкий, В. Русская женщина в эпоху «Домостроя» / В. Иваницкий // Общественные науки и современность. – 1995. – №3. – С. 161-172.
8. Иоанн Златоуст. Похвала Максиму, и о том, каких должно брать жён. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста Архиепископа Константинопольского в русском переводе: в 12 т. – М.: Златоуст, 1994. - Т.3. – С.230.
9. Иваницкий, В. Русская женщина в эпоху «Домостроя» / В. Иваницкий // Общественные науки и современность. – 1995. – №3. – С. 161-172.

10. Юкина, И. И. «Новая история женщин» России. / И. И. Юкина // Библиография «История женского движения и феминизма в России. 1850-е – 1920-е годы». С.Пб.: Алетейя, 2003. - Режим доступа: <http://www.gender-ehu.org/files/File/Yukina.pdf>.

11. Максимов Ю. Святые отцы о семейных обязанностях христианина / Ю. Максимов // Интернет-журнал Сретенского монастыря. - Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/28265.htm>.

12. Амвросий Оптинский. Поучения преподобного Амвросия Оптинского супругам и родителям . – Саратов: Благовест, 2011. - С. 10.

13. Иоанн Златоуст. Похвала Максиму, и о том, каких должно брать жён. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста Архиепископа Константинопольского в русском переводе: в 12 т. – М.: Златоуст, 1994. - Т.3. – С.215.

References:

1. Pheoktist Igumen (Kirilenko). Pastorskoye dushepopetseniye o zenschinah– St. Petersburg.: Ladan, 2006. – с. 21.

2. Maltby, T. Women and Pensions in Britain and Hungary: A cross-national and comparative case study of social dependency. – Brookfield: Avebury, 1994. – P. 22.

3. Zabelin E.I. Domashniy bit russkih tzaritz / E.I. Zabelin/ - Moskva: Tipografiya Gratsheva I komp., u Pretshistenskih v., d. Shilovoy 1869. – Rezim dostupa: http://az.lib.ru/z/zabelin_i_e/text_0070.shtml.

4. Pushkareva N.L. Zenschini drevney Rusi. – М.: Misl, 1989/ - С.93.

5. Tolstoy A.N. Peter perviy. – М.: Pravda, 1968. – С. 119.

6. Vavilov N.I. Tematitsheskiye zapisi v studentcheskom dnevnike/ N.I. Vavilov // Chelovek. – М. - 2006. – №2. – С. 136.

7. Ivanitskiy V. Russkaya zenschina v epohu «Domostroya» / V. Ivanitskiy // Obschestvenniye nauki I sovremennost. – 1995. – №3. – С. 161-172.

8. Ioann Zlatoust. Pohvola Maksimu, I o tom, kakih dolzno brat zen. Tvoreeniya svyatogo otsa nashego Ioanna Zlatousta Arkhiepiskopa Konstantinopolskogo v russkom perevode: v 12 t. – M.: Zlatoust, 1994. - T.3. – С.230.

9. Ivanitskiy V. Russkaya zenschina v epohu «Domostroya» / V. Ivanitskiy // Obschestvenniye nauki I sovremennost. – 1995. – №3. – С. 161-172.

10. Ukina I.I. «Novaya istoriya zenschin» Rossii. / I. I. Ukina // Bibliografiya «Istiriya zenskogo dvizeniya I pheminizmv Rossii. 1850-e –1920-e ГОДЫ». S.Pb.: Alteya, 2003. – Rezim dostupa: <http://www.gender-ehu.org/files/File/Yukina.pdf>.

11. Maksimov U. Svyatiye otzi o semeynih obyazannostyah hristianina / U. Maksimov // Internet –zurnal Sretenskogo monastirya. - Rezim dostupa: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/28265.htm>.

12. Amvrosiy Optinskiy. Poutseniya prepodobnogo Amvrosiya Optinskogo suprugam I roditelyam. – Saratov: Blagovest, 2011. - С. 10.

13. Ioann Zlatoust. Pohvola Maksimu, I o tom, kakih dolzno brat zen. Tvoreeniya svyatogo otsa nashego Ioanna Zlatousta Arkhiepiskopa Konstantinopolskogo v russkom perevode: v 12 t. – M.: Zlatoust, 1994. - T.3. – С.215.